

М.А. Литовская

СТИЛЕВОЙ ИНФАНТИЛИЗМ А. ГАЙДАРА

Аркадий Гайдар – писатель с типичной для успешного советского автора прижизненной и посмертной судьбой. Поскольку все свои сколько-нибудь значимые произведения он создал в рамках детской литературы, советским литературоведением ему была отведена роль автора светлой «страны Гайдарики», обязательного для чтения советского классика с героической биографией, который в четырнадцать лет командовал полком, потом своими книгами воспитывал у детей патриотические чувства, написал повесть, ставшую основой для возникновения пионерского движения тимуровцев и героически погиб на Великой Отечественной войне.

В начавшейся перестройке советского мира Гайдар становится объектом резкой критики и предметом страстной полемики, которая, как все понимают, на пустом месте не возникает: если писатель перестает вызывать читательский (=общественный) интерес, спорить о том, что он делал в Хакасии в начале 1920-х годов, никто не будет.

В результате постсоветской полемики акценты в биографии Гайдара изменились. Отправленный матерью на фронт, командир отряда особого назначения, он был демобилизован из армии в 1922 году с диагнозом «невротический синдром». Как большинство людей с подобным заболеванием, он пережил Гражданскую войну как травму, в дальнейшем существовал при постоянном участии врачей-невропатологов и психиатров, обладал неустойчивой психикой, страдал неконтролируемыми приступами головной боли и тоски, понимал, судя по дневниковым записям, что прошлое нуждается в изыскании, сделал писательство и рыбную ловлю родом самим себе (возможно, впрочем, и врачами) назначенной трудотерапией.

Но как бы ни менялась интерпретация биографии А. Гайдара, высокая оценка сделанного им в литературе не подвергалась сомнению ни

его обвинителями, ни защитниками. А. Гайдар стал – едва ли не единственным в советской литературе – автором настоящего подросткового (пубертатного) гипернарратива – в первую очередь, книг о Тимуре Гараеве¹ «Тимур и его команда» и «Командант снежной крепости». Гайдаровские тексты органично вписались в пионерскую субкультуру² и обогатили ее новыми формами деятельности, «культовыми» героями и формулами. Причем формы подражания тимуровским героям не только задавали сверху взрослые лидеры пионерской организации, разделяя обязательностью тимуровское движение, но охотно приняли многие дети довоенного, военного и послевоенного времени, вплоть до поколений уже перестроечных пионеров и даже постсоветских скаутов, некоторые из которых именуют себя гайдаровцами или тимуровцами.

О прочности усвоения предложенного А. Гайдаром свидетельствует хотя бы то, что его читатели (а это все прошедшие через советскую школу) до сих пор оперируют устойчивыми образами Мальчиша-Плохиша, Чука и Гека, Военной Тайны. Предложенная в его произведениях система ценностей широко проникла в общественное сознание, определяемое сознаниями поколений подросших подростков. Историзм «тимуровцы» стал неотъемлемой частью культурной истории, выражения «проклятые буржуины», «а жизнь, товарищи, была совсем хорошая!» «что такое счастье – это каждый понимал по-своему», не говоря уже про знаменитое «нам бы только день простоять да ночь продержаться» не просто были включены в советскую культуру, но перешагнули ее. Значит, писателем было выражено

¹ Пубертатные гипернарративы – «повествование, способное в силу особых принципов поэтики и (что связано) бытования порождать неограниченное количество толкований в виде текстов и поведенческих практик, концентрирующихся, однако, только в определенной смысловой области... Гипернарративом является всякий текст, способный порождать субкультуру, которую создают люди, «играющие» в его мир» (См. об этом, например: *Давыдов Д.* Мрачный детский взгляд: «Переходная оптика в современной русской поэзии // Новое лит. обозрение. – № 60 (2003). – С. 282..

² См. об этом: *Леонтьева С. Г.* Литература пионерской организации: идеология и поэтика. АКД. – Тверь.

что-то сущностно важное для всего общества, и А. Гайдар сделал это так, что это важное было усвоено.

На уровне писательской роли А. Гайдар был для своих читателей скорее старшим другом³. За ним закрепились роль вожакого, чье слово авторитетно, и эта авторитетность заведомо задавала дистанцию между повествователем и читателями, исключала возможность равенства между ними, обрекая самую возможность подобного осуществления на статус недозволенной фамильярности.

Но у безупречного старшего товарища мы обнаруживаем неожиданное единство голосов для своих адресатов и для себя самого. «Р-ра! Р-ра! Ура! / Эй! Бей! Турумбей!» (1964, 3, 37), – это стихи, которые сочиняет шестилетний Гек. А это одно из двух стихотворений, которые включает в текст повествователь: «Приснился Геку страшный сон: / Как будто страшный Турворон / Плюет слюной, как кипятком, / Грозит железным кулаком. / Кругом пожар! В снегу следы! / Идут солдатские ряды. / И волокут из дальних мест / Кривой фашистский флаг и крест» (1964, 3, 47). А вот письмо Сергею Розанову, написанное А.П. Гайдаром накануне собственного тридцатичетырехлетия 21 января 1941 года: «В общем же дела мои хороши – повесть кончаю. / Гей! Гей! Не робей! / Тверже стой и крепче бей!» (1973, 4, 528).

Между автором – Аркадием Гайдаром и человеком Аркадием Петровичем Голиковым разница снята (что подчеркнуто и паспортной переменной имени). Более того, очевидное совпадение обнаруживается при сопоставлении текстов, написанных Голиковым-ребенком и взрослым писателем. «Я тебя спрашивал, какая у вас погода, видал ли ты аэроплан, вообще про войну. Папочка, я знаю, что некоторые присылают винтовки с фронта в подарок кому-нибудь... Можешь ли как-нибудь и мне прислать? Уж очень хочется, чтобы что-нибудь на память о войне осталось», – это строки из письма двенадцатилетнего Аркадия Голикова отцу на фронт. А это строки тридцатилетнего Аркадия Гайдара из дневника: «Пятилетний Анатолий Федорович очень со мной дружит. Подарил ему звезду, свисток и пистонный револьвер. Он командует над собаками – Цыганом, Тузиком и Машкой. В газетах временное затишье. Но тревожно на свете» (1939, 73, 4, 551). В этих текстах не случайное ритмическое совпадение, но принципиальное для А. Гайдара совмещение детского и взрослого миров.

В то же время тексты Гайдара не по-детски афористичны. В них непременно присутствует ряд чеканных смыслоорганизуемых формулировок в сильных позициях – обычно финалах. Вспомним хотя бы финал «Чука и Гека»: «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной» (1964, 3, 68). Последние слова «особенного» героя в «Тимуре и его команде»: «Я стою... я смотрю. Всем хорошо! Все спокойны. Значит, и я спокоен тоже!» (1964, 3, 171).

Содержательно в текстах неизменно задается повествовательная позиция не просто старшего по отношению к своим читателям, но человека, который знает правила мироустройства. Гайдар исполняет роль вожакого, одновременно допуская в тексты инфантильный тон. Элементы детской речи, проникающие не только в речь героев, но и в речь повествователя, многократно описывались исследователи⁴. Мы лишь отметим, что они создают своеобразный эффект наслаивания речи, принадлежащей людям разного возраста, контаминации речи ребенка и взрослого, когда во взрослом повествователе «обнаруживается» ребенок.

Такая специфическая форма повествования, которую можно обозначить как стилевой инфантилизм, способ организации формы, имитирующий (или реконструирующий) взгляд на мир ребенка или подростка, то есть другого по отношению к взрослому, активно развивается на рубеже 1920-30-х годов. Это проявляется в авангардной традиции обериутов и близких им авторов, в литературе «для самых маленьких», в становящейся подростковой литературе.

Инфантилизм авангарда предопределен поисками новых форм выражения субъективности и новых субъектов, помогающих разрушить автоматизм восприятия, а значит – привлечь внимание к неожиданности своего, взрослого, но имитирующего детское видение мира с его языковыми играми, кажущимся алогизмом (на деле – существованием в рамках иной логики), простодушной интерпретацией общественных связей (специфическая форма «эзопова языка»). Детство в этом случае предстает как обаятельная аномалия. При этом собственно специфика детского не имеет значения, поскольку речь идет о развитии художественного языка. «Для исторического авангарда *детское* является артефактом,

³ Можно говорить о других ролях в детской литературе – дедушка Корней, дядя Маршак, чудак Хармс, командор Слава – эти роли всегда связаны с доминирующим в текстах этих авторов типом дискурса.

⁴ См., например: *Гаврий М.* Наречия в художественном тексте как способ отображения внутреннего мира героя // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения. – Арзамас, 2001; *Освоина Г.* Функции сравнений в прозе А. Гайдара // Творчество Аркадия Гайдара. Герой. Жанр. Слог. – М., 2006; и др.

объектом манипуляции» <...> Подчеркивание наивности, безыскусности, естественности, помещение детского в один ряд с «диким» или девиантным – все это вело к самозамыканию, «схлопыванию» инфантильности в авангардной культуре; в результате у обериутов детское предстает совершеннейшим «черным телом», чем-то потусторонним, трансцендентным, не поддающимся процессу означивания. Отчуждение детского могло носить в ранней поставангардной культуре и сугубо орнаментальный характер», – замечает исследователь авангарда и его специфической инфантильности Д. Давыдов⁵. Таким образом, в текстах авангардистов детство, выступает ли оно как объект или как метафора, не является самоценным, репрезентируется псевдоинфантильностью.

В случае детской литературы, если понимать под ней литературу, которая специально создается в расчете на детей, мы сталкиваемся с иной спецификой инфантильности. Она связана с представлениями общества не о *проявлении* детскости, как в авангарде, а о *возможностях* детскости, в частности, в усвоении некоего предлагаемого все теми же взрослыми содержания. Общим местом в теории детской литературы оказывается утверждение, что писатель пишет, ориентируясь на соответствующую аудиторию, то есть в известной степени подлаживается под неизбежно отличающийся от обычного разговорного специальный язык, которым принято разговаривать с детьми, то, что называется baby talk, под которым понимается «регистр, к которому обращаются взрослые при общении с маленькими детьми» со своей спецификой адресата, адресанта, коммуникативной задачи и т.п.⁶

В разные периоды складываются свои представления о том, *как* надо разговаривать с детьми и *почему*, *какие* речевые практики оказываются наиболее приемлемыми для общения или обучения ребенка. В 1920-е – 30-е годы в советской литературе это был язык, с одной стороны, жестко идеологизированный, предполагающий знание молодыми людьми азов неизбежно входящей в социализацию советского человека политграмоты, с другой – шуточный, основанный на нелепостях, перевертышах или иронии по отношению к ограниченному знанию ребенка. Это было предопределено двойственностью видения детства. С одной стороны, ребенок предстает как равный, хотя и молодой гражданин Советской страны, знающий основы ее политического самостояния (свои – чужие). С другой – его опыт

не идет в сравнение с опытом старшего, поэтому тот слегка подтрунивает над самоуверенностью, страхами, хитростями младшего, в основном выступая в роли всеведущего взрослого, заранее предугадывающего действия маленького человека.

Разговаривающий с ребенком взрослый может выступать в разных ролях и с разных позиций. В некоторых образцах детской литературы взрослый предстает в маске чудака – человека иной культуры (Д. Хармс «Странные вещи»), эксцентрика или ребенка-сверстника читателя, «присваивает» себе наивный взгляд, начинает пользоваться «детским» языком. Но как только он выходит из диалога с маленьким читателем, то есть из рамок собственно текста, то превращается в носителя иных речевых навыков. Тексты, написанные писателем для «внутреннего» и так сказать «служебного» пользования, обычно очень отличаются друг от друга.

Случай Гайдара, видимо, несколько иной. Гайдар не просто выстраивает свою взрослую позицию, развлекая или поучая адресата, исходя из предполагаемых реакций ребенка, но по сути дела существует в наиболее органичной для себя ментальной форме, внешне проявляющейся в соединении «взрослого» и «детского» языков. Вряд ли можно согласиться с утверждением Н. Рыбакова, что А. Гайдар «впервые ввел в советскую литературу ребячий или подростковый сказ»⁷. Гайдар действительно опробует элементы сказа в некоторых своих рассказах («Дальние страны»), но, во-первых, тяготеет все же к форме несобственно-прямой речи, неизменно вводя в текст взрослую точку зрения при том, что речь повествователя оказывается приближенной к речи героя. Это совмещение указывает на ненужность для писателя сказа, который всегда есть ориентация на воспроизведение чужой точки зрения. Точка зрения ребенка или подростка для А. Гайдара не является ни чужой, ни полностью захватывающей повествователя. Она входит в ведение повествователя как ее неотъемлемая часть, поэтому повествователь не только знает, что происходит в сознании героя, но и является компетентным носителем языка ребенка.

Можно искать этой неподдельной инфантильности биографические объяснения. Первое можно условно обозначить как прагматическое. Оно связано со спецификой детской литературы – ее ориентацией на читателя-ребенка, необходимостью доступности создаваемого текста. Для А. Гайдара это было очевидно очень важно, поскольку он создавал тексты не для развлечения. Сам, пережив и осознав травму раннего

⁵ Давыдов Д. Мрачный детский взгляд: «Переходная оптика в современной русской поэзии // НЛО. – № 60 (2003). – С.279.

⁶ Гаврилова Т.О. Амплификация как признак построения речи на baby talk // Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства. – М., 2003. – С. 61.

⁷ Рыбаков Н.И. Сказ – сказка в художественном сознании Гайдара // Творчество Аркадия Гайдара. Герой. Жанр. Слог. – М., 2006. – С.27-30.

приобщения к войне, Гайдар, судя по всему, видит свое писательское и человеческое предназначение в том, чтобы подготовить современных ему подростков, обязательных участников обязательной будущей войны к испытаниям, которые выпадут на их долю. Писатель, очевидно, хотел дать подросткам то знание, которого был в их возрасте лишен сам, отчего перенесенные им уроки оказались столь тяжелыми. Для этого было необходимо создать у юного читателя ясную картину мира, где он живет, исключаящую недомолвки и разночтения. Очертить для него круг приоритетов, не подлежащих сомнению. Задать матрицы поведения, помогающие уверенно действовать в этом мире.

Сверхважность задачи предопределяет необходимость особой ясности, доступности, включения в текст слов, рассказов, формул слушателя. Не случайно ключевой в творчестве А. Гайдара текст «Сказка о Мальчише-Кибальчише», который сначала выходит как самостоятельный отдельной книжкой, в итоге становится частью повести «Военная тайна» и принадлежит по сюжету шестилетнему мальчику, а пересказывается молоденькой вожатой.

Второе объяснение инфантильности можно так же условно обозначить как травматическое. В истории периодически складываются поколения, на долю которых приходится особенно значительные «внешние» испытания, оказывающие сильнейшее воздействие на всю их последующую жизнь. К таковым, вне сомнения, относились российские дети, родившиеся в начале двадцатого века, чье детство и отрочество прошло «среди революций», а ранняя юность пришлась на Гражданскую войну. Судьба А. Гайдара как представителя своего поколения начинается с записи в дневнике: «Общая молитва отменена. Запись уроков в балльнике необязательна» (1973, 4, 529). Это поколение пережило кардинальный – быстрый и неотменяемый – слом старого уклада жизни, совершило – зачастую вынужденный – выбор в революции, и – опять же невольно – стало непосредственным участником Гражданской войны. Остались ли дети, рожденные на рубеже первого пятилетия века, после этого в родной стране или оказались в эмиграции, им пришлось пережить еще один шок – существования в незнакомой для них среде при минимальной поддержке со стороны взрослых, не менее, а, возможно, и более чем подростки, выбитых из привычной колеи и ошеломленных происходящим.

«Наши дети психически отравлены, пережили тяжелейшие ушибы и вывихи, от которых как бы парализованы и замолкли целые сферы души, – а то, что осталось живым и целым, становится носителем жизни и силится хотя бы прикрыть забвением то, что нельзя уже удалить из

души», – замечал в 1925 году русский психолог В. Зеньковский, председатель Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, подводя итоги анализу сочинений школьников «Мои воспоминания с 1917 года»⁸.

«Когда я печатал сотую биографию, я понял, что я читаю самую потрясающую книгу, которую мне приходилось когда-нибудь читать. Это простой искренний рассказ человека, который уже привык не рассчитывать ни на какое сожаление, который привык только к враждебным стихиям и привык не смущаться в этом положении. В этом, конечно, страшная трагедия нашего времени...», – писал в письме 1928 года начальник колонии для беспризорных А.С. Макаренко⁹, составляя сборник воспоминаний своих воспитанников. Психологи и педагоги, врачи и социальные работники сходились в необходимости признать тяжелейшие психические последствия пережитого молодыми людьми, сказавшегося на всей их дальнейшей жизни.

В характере и привычках А. Гайдара сохранилось много детского: он любил писать – и не делал из этого секрета – инфантильные стихи, подобные тем, что сочиняли Чук и Гек¹⁰, и письма русскими буквами на искаженном французском языке, посылал друзьям детски-шуточные письма и телеграммы («Гей, гей, не робей, замечательную сцену закатил я вчера в семье у Половцевых тчк Шлите деньги, или я буду вынужден остаться в Крыму навеки» – 1973, 4, 552). Его любовь к детям очевидно была не наносной, но он играл с ними скорее как сверстник, чем как взрослый. Подчеркнутая детскость, являющая важную часть обаяния А. Гайдара, идет изнутри.

Эти странности совпадают с отмеченными психологами Русского Педагогического бюро особенностями поведения травмированных Гражданской войной подростков: периодически вспыхивающей ребячливостью, обостренным чувством бездомности и склонностью к безытности, болезненной привязанностью к избранным ими самими товарищам. За этим скрывается, во-первых, желание продлить детство во взрослой жизни, пережить непрожитое.

Наконец, можно предположить, что инфантильность связана со своеобразной философией социальных возрастов, непосредственно связанной с созданным А. Гайдаром мирообразом. Его интересуется период социального развития, получивший в психологии именование подросткового. Согласно утверждению Э. Лича, подросток находится в фазе перехода от одного норматив-

⁸ Дети эмиграции. – М., 2001. – С.140-141.

⁹ Макаренко А.С. Собр. соч.: В 7 тт. Т. 7. – М., 1958. – С. 289.

¹⁰ Допускаем, впрочем, что иных он писать просто не умел. См., например, его стихи из газеты «Красный воин» (1964, 2, 377-385).

ного состояния к другому: «вне статуса, вне общества, вне времени»¹¹. Важнейшим для подросткового периода является ситуация инициации с переходом от нормативного детства к нормативной взрослости. Это ситуация, которая описывается через символическую смерть ребенка: «ребенок должен умереть, прежде чем сможет родиться взрослый человек»¹².

А. Гайдар фиксирует ситуацию символических смерти-рождения в каждом из своих текстов, начиная с первой повести о юности «В дни поражений и побед» и заканчивая последними маленькими рассказами¹³. Отмечая фазы перехода, приводит ребенка к подростковому возрасту, но никогда не приводит подростка к собственно взрослости и «нормативным» реакциям. Формирование подростка изображается Гайдарином как неизбежное продуцирование и внутреннее ожидание все новых и новых ошибок, количество которых не сокращается в пространстве текста и «выходит» за его пределы.

А. Гайдар настаивает на необходимости совершения ошибок. Это входит в гайдаровское понимание нормы взросления и развития¹⁴, обязательен анализ сделанных героем ошибок, проинтерпретированных как неосознание, проведенный взрослым, – от Чубука в «Школе» до полковника Максимова в «Команданте снежной крепости». Наконец, мир не разрушается от сделанных подростком ошибок, он обладает способностью к восстановлению с помощью «специальных» взрослых. Тем самым нейтрализуется сверхценность ошибок, переживание собственной вины как постоянного состояния перестает быть важнейшей составляющей отношения растущего человека к реальности.

Пройдя предназначенные испытания, подросток остается подростком, что особенно отчетливо проявляется на фоне позиции повествователя. По пафосу он – отец детей, оберегающий и опекающий их, готовящий к неизбежным будущим испытаниям. Остальные взрослые в мире А. Гайдара либо ограничены (Георгий Гараев, Ольга, Нина), либо сдержанны или молчаливы (родители, не желающие посвящать детей в свою жизнь, военные), либо преступны и лживы («бандиты» всех мастей, включая дядю и старика Якова). Матерей в мире А. Гайдара немного, а мужественные отцы либо

воюют, охраняя покой всех детей страны, либо не могут выполнить свои отцовские обязанности – защищать и учить – по каким-то иным причинам: отец в экспедиции («Чук и Гек»), в заключении («Судьба барабанщика»), убит врагами («Маруся»). Дети переданы на руки дядям, сестрам, пионервожатым, нянькам и почти посторонним людям, которые заботятся о них, как могут, но не в состоянии преподать им главные жизненные уроки. Эту функцию отсутствующего отца Гайдар принимает на себя. Отец должен заложить мироотношение, в частности, объяснив неизбежность войны в мире, научить ребенка тому, чему его, отца, в свое время никто не научил – правилам поведения на войне. Одна из обязанностей отца – защищать ребенка, в том числе и от него самого¹⁵.

Фабульно в книгах А. Гайдара происходит демонстрация скольжения от фазы детскости к фазе взрослости, но итог всегда один: умирает символически или физически ребенок, но подросток неспособен превратиться во взрослого без военного испытания. Гайдар фиксирует внимание на значимости и длительности фазы перехода-превращения. Это фаза напряжения, ошибок, утраты ребячливости, переход от игр-развлечений к ситуативным обучающим играм будущих военных – Найди Чужака, Сформируй Отряд, Пленение и Исход и т.п. Живущие в мире подразумеваемой угрозы и постоянной тревоги, значимых умолчаний¹⁶, не имея достойных учителей, подростки на ощупь вырабатывают систему ценностей, которая обязательно проходит верификацию военными. Военные же не дают свершиться инициации подростка, откладывают ее до момента настоящей войны (= взросления).

К чему это приводит? К пониманию своего места в социальной иерархии. К доверию к государству. К парадоксальному, свойственному героям А. Гайдара, ожиданию войны как началу взрослости.

Это проявляется в специфической фиксации дискурса в фазе перехода, где на равных существуют язык детский и язык взрослый, но это порождает не противоречивость, а – напротив – ощущение полноты и равенства разных этапов человеческой жизни. Введение детского языка маркирует состояние растерянности, безотчетной тревоги. Сознательный инфантилизм означает момент входа в фазу инициации. Снимают ее слова из взрослого мира: «крепко», «хорошо», «товарищи», означающие внутреннюю связь,

¹¹ Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. – М., 2001. – С. 97.

¹² Там же.

¹³ См. интересный анализ жанрового воплощения инициации в: Виноградова Е.М. Жанровое своеобразие рассказа А.П. Гайдара «Советская площадь» // Творчество Аркадия Гайдара. Герой. Жанр. Слог. – М., 2006.

¹⁴ Характерна сделанная им дарственная надпись на книге «Судьба барабанщика»: «Люби барабанщика, который сам падал и сам поднимался».

¹⁵ Идея защиты человека как от государства, так и от самого себя, в этот период не была присуща только А. Гайдару. Сходную проблематику развивали самые разные авторы – от М. Зощенко до М. Булгакова, от Д. Хармса до А. Толстого.

¹⁶ Например, в гайдаровском мире не артикулируются проблемы телесности и сексуальности, они не связаны с инициационными практиками.

готовность к защите, уверенность в конечной справедливости и разумности мира.

Традиционно в подростковой литературе: мир осваивается ребенком-подростком, взрослое разминается, приручается, становится своим. У Гайдара этого не происходит никогда. Во взрослом повествователе несмотря на дидактическую дистанцию сквозит ребенок, подросток. Тем самым подчеркивается самоценность каждого из возрастов, его неизживаемость в человеческой жизни. Стилевой инфантилизм как знак неизжитой детскости (не подражания детскому, а детскости, внутреннего существования детского во взрослом) объясняет странности реакций героев: они уходят в детские стихи и песенки, пытаются символически гармонизировать свой внутренний мир, привести его в соответствие с миром взрослым. Подростковый период оказывается ценным

не движением «от... к...», а полнотой существования, когда и ребенок, и взрослый сходятся в одном мире – мире художественных текстов, где позволено бояться, ошибаться, играть в старые и придумывать новые игры.

Отношение «я»-повествователя к границам «нормального» или «анормального» на шкале социального возраста при внимательном рассмотрении может дать немало информации о поэтике данного текста и/или автора. Привычное для детской литературы представление о самоценности взросления (=накоплении опыта) Гайдаром не отвергается, но он настаивает на не меньшей значимости сохранения детскости, что и делает психосоциальный возраст, характеризуемый фазой перехода, одновременно возрастом полноты существования – сохранения прошлого и готовности к будущему.